

ГЛАВА 1

За время, что Антоненко провел в гостях у Синчи Пума, он чувствовал себя, как в поговорке: словно сыр в масле катался. Уже свyksя с ролью белого бога! Они втроем смотрели на местный люд только свысока. Даже немного зажрались.

Он, Аксенов и Роговой были гораздо выше и крупнее всех местных жителей. Самым высоким из уаминка оказался вождь Синчи Пума, но и тот был только по плечо Николаю!

За время похода от водопада до главной крепости народа уаминка Николай с помощью Рогового сумел наладить контакт с вождем.

К удивлению Антоненко, Василий Роговой оказался все-сторонне развитым парнем и имел склонность к языкам. Как пояснил моряк, до войны он ходил на сухогрузе по Средиземному морю, и ему приходилось общаться с разными народами. Даже был переводчиком для всей команды. К тому же Роговой имел идеальный слух и быстро соображал. Умел играть на гармонии, которую постоянно таскал с собой вместе с ручным пулеметом Дегтярева и запасными дисками к нему. Для двухметрового молодого парня эти тяжести были словно пушинка. Из-за своих заморских путешествий он и пострадал. Кто-то написал донос в НКВД, и Васю Рогового списали «на землю». А когда пришла война, его призвали на службу, определив мотористом на катер Пинской флотилии.

Наладить контакт с местными Николаю помогло также и зелье Баюлиса.

Во время перехода Антоненко, как змей-искуситель, зная по прошлой жизни слабость туземцев к спиртному, просто спoiл вождя уаминка. После этого Синчи Пума стал его лучшим другом. Еще больше Николай сдружился с местным на-

родом, когда в их честь в главном городе-крепости под названием Уаман-канча — Гнездо сокола — устроили пир.

Уаман-канча располагался на вершине горного хребта. Тот, кто его построил, хорошо разбирался в военном деле. Крепость господствовала над двумя долинами, разделенными этим хребтом, и закрывала проход, ведущий к Серебряному ручью и дальше, к водопаду предков в Священной долине богов.

Крепостные стены были сложены из крупных каменных блоков, но размером меньше, чем стены Новоросска. Их высота с пологой стороны составляла почти десять метров. Эти стены одновременно являлись и террасами. Таким образом древний архитектор выровнял поверхность для строительства домов внутри оборонительного сооружения и решил проблему с защитой. За кладкой, выложенной из подогнанных друг другу и обтесанных каменных блоков, просто была навалена земля и камни помельче. Так что обрушить такую стену было практически невозможно. Наверх в город вело три прохода с воротами. Каждый — шириной чуть более трех метров. Встроены они были в стену. Подъем осуществлялся по вырезанным ступенькам. Получалось, путник, чтобы проникнуть в город, должен был подняться через узкий туннель, в конце которого стояла стража. В центре крепости возвышалось дополнительное оборонительное сооружение — цитадель. Высота ее стен — около семи метров, и взобраться на нее можно по двум ходам, подобным описанным выше. Здесь жили вождь, знать и жрецы города. Вся территория внутри стен была застроена жилыми домами, похожими на маленькие башни, широкие у основания и сужающиеся кверху. Возводились они из камня, высота стен достигала пяти метров. Поэтому дома казались двухэтажными. Крыша в форме конуса крылась деревом и соломой. Дома стояли вплотную друг к другу. Из-за неровности рельефа они строились на нивелировочной платформе, такой же круглой в плане. Зайти на нее можно было с улочки, шедшей по верхнему уровню, а чтобы попасть внутрь дома, нужно было пройти по карнизу из плоских камней. Вход в здание был сориентирован так, что смотрел на постройки, стоящие внизу. В центре цитадели находился небольшой бассейн с источником воды, которая по водовадам спускалась во все части города. На окраине города

возвышался Большой Храм — каменная башня в виде усеченного конуса с основанием шире, чем вершина.

Когда новороссы только поднялись в город, они застыли в изумлении. Почти у каждого входа в дом на стене висели высушенные человеческие головы! Как потом выяснилось, количество голов свидетельствовало о доблести и славе хозяина. Головы врагов являлись ценными трофеями. После их отрубания кости черепа разбивались и вынимались. Затем пустую кожу наполняли горячим песком, голова сморщивалась и становилась не больше кошачьей, но форма оставалась прежней, и черты лица сохранялись.

У входа в дом вождя Николай насчитал не меньше четырех десятков таких голов. «Могучий дедок! Столько врагов лично замочил!» — восхитился Антоненко.

Гостей также удивило и большое количество женщин с детьми. Если те женщины, кто был постарше и замужем, занимались своим домашним хозяйством, то молоденькие девушки так и крутились возле пришедших. Было заметно, что у уаминка женщины свободны и не так зажаты разными запретами, как мусульманки.

В отличие от мужчин женщины-уаминка носили длинные туники, прихваченные на талии поясом, довольно похожие на греческие; они свисали до земли, но по бокам были разрезы, через которые при ходьбе видны ноги. В сущности, это была ткань в форме прямоугольника, обернутая вокруг тела и закрывавшая грудь, а ее концы закреплялись на плечах булавами. На талии ее держал широкий пояс, украшенный узорами или квадратиками. Поверх туники женщины надевали зеленую накидку, застегивавшуюся на груди с помощью большой декоративной булавы. Накидка свисала сзади до уровня икр. Как и мужчины, женщины носили простые кожаные сандалии, завязывающиеся на лодыжках.

Внешне женщины-уаминка были очень похожи на славянок. Все с почти белой кожей, голубыми глазами и белокурыми, рыжими или светло-каштановыми волосами, заплетенными в косы. Если уаминка была не замужем, то она носила две свободных косы, куда вплетала разноцветные помпоны огромных размеров. У замужних косы подвязаны снизу на затылке и помпончики были поменьше.

Их головы, так же как и головы воинов, венчали перепле-

тенные шерстяные разноцветные повязки, но без вставленных ярких перьев. У каждой в ушах висели золотые серьги с кисточками. Кроме того, золотом были украшены и головные повязки. На шее у многих женщин имелись различной толщины цепочки из золота или серебра. Они носили также и ручные браслеты, изготовленные из этих металлов.

— Богато живут! — присвистнул Роговой. — Только арабы своих женщин так золотишком балуют. Значит, здесь золото и серебро ничего не стоят, раз все бабы в них свободно разгуливают!

Во время пира в честь прибытия виракочей местные предложили гостям свое кукурузное пиво — чичу, надеясь их сподобить, но для наших оно оказалось довольно слабым. И получилось наоборот. В большой медный чан с пивом, наполовину выпитым гостями и племенной верхушкой, Антоненко предложил добавить свой напиток. На что полупьяные вождь и его командиры с удовольствием согласились. Недолго думая Николай вылил туда всю настойку Баюлиса. По приказу вождя женщины добавили в чан еще местного пива и размешали. Пир затянулся до самого утра. Хотя они и разговаривали на разных языках, но полностью понимали друг друга. Воины племени показывали гостям свое искусство владения оружием, женщины угощали всеми яствами, которыми располагало племя.

Небольшое недоразумение случилось с Аксеновым. Увидев, что его окружает такое количество молодых и красивых женщин, парень не выдержал и стал к ним приставать. Девушки смеялись и шутя отбивались от «белого бога», хотя по их виду было заметно, что это приставание доставляет им удовольствие. Женщин много, а мужчин мало, кому не хочется хоть немного ласки!

Подтянув к себе подчиненного, Николай прошептал ему на ухо:

— Семен, угомонись! Сексуальный маньяк... Нельзя нам сейчас с ними из-за баб ссориться. О наших в лагере подумай. Да и говорят, что сифилис к нам из Южной Америки занесли!

— Николай Тимофеевич! Да мочи уж нету... Тут такая краса — на всех наших с лихвой хватит. А болезней я не боюсь — доктор вылечит!

К удивлению Антоненко и Аксенова, вождь Синчи Пума,

увидев это, предложил Аксенову любую из незамужних девушек, но с одним условием: он женится на всех, кого выберет. От такой новости Аксенов сразу протрезвел. Одно дело — гулять, другое — жениться. Гуляешь один день, а женишься на всю жизнь, ответственности больше.

Но под пиво с настойкой парень, плюнув на все, решил и выбрал двух смешливых красивых девушек, которые постоянно крутились возле него. Видно, и он им понравился.

Жрец, заменяющий Иллайюка, пояснил, что после решения вождя эти девушки теперь безотлучно будут сопровождать Аксенова, но и он обязан о них заботиться. Если жених откажется, то их отцы имеют право его убить, так как он обесчестил дочерей. Официальная свадьба будет только через год. Право отказаться от будущего мужа имеют только девушки. Мужчина же обязан на них жениться. При этом количество жен не ограничено. Если за это время родится ребенок, то он останется при матери.

— Ну что, пограничник, влип? — шутливо спросил Николай.

— А, где наша не пропадала! Девки уж больно хороши, — весело ответил Семен.

На следующий день выяснилось, что пограничник таки не прогадал. Одна из девушек была дочерью сотника — командира гарнизона одной из крепостей, а другая — гончарного мастера, тоже уважаемого человека в племени.

Но большой фурор на празднике встречи богов у местных жителей вызвал Роговой своими песнями под гармонь. Сначала местный народ начал плясать и петь под звуки своих раковин, флейт и барабанов. При этом только мужчины вставали в круг. Они, почти топчась на месте, обнявшись за плечи, ходили по кругу и выкрикивали воинственные слова. Виракочам эта музыка показалась заунывной, поэтому Николай и попросил Рогового «сбачать нашу плясовую». Парень, уже принявший на грудь, выдал на гармошке от души. В такт своей музыке в круг вышли танцевать Антоненко и Аксенов. Они выкидывали такие коленца, что местные зачарованно застыли на своих местах. По мере продолжения праздника уаминка научились танцевать танцы богов. В дикой пьяной пляске слились все!

Наутро болела голова. Но, продолжая в том же духе, Антоненко и его команда по предложению вождя в течение нескольких дней посетили все селения племени уаминка. Аксенов даже успел познакомиться с родителями своих невест и получить согласие на испытательный супружеский срок. После чего Николай составил записку и попросил Синчи Пума передать ее своим, на водопад предков.

— Синчи, а почему ты не хочешь меня пригласить к соседям? — поинтересовался Николай.

— Они не должны знать о вас! — ответил вождь с помощью Рогового.

— Но почему?

— Они заберут вас у нас, и мы лишимся помощи богов!

— Глупости! Я никогда не покину твой народ. Теперь ты мой брат!

Роговой постарался перевести слова Антоненко как мог. Но по лицу вождя Николай понял, что тот чем-то все-таки недоволен.

«Что-то здесь не так!» — подумал он.

С момента прибытия в Уаман-канча к виракочам вождь приставил четырех молодых воинов. Они сопровождали Антоненко и его людей везде, но не являлись слугами. Обслуживали гостей только женщины. Воины же всегда находились рядом, выступая в роли гонцов и телохранителей. Сначала они молчали, но постепенно между ними и гостями возникли разговоры, знакомство друг с другом. Начали общаться. Основным переводчиком был Роговой, лучше понимавший речь местных жителей.

В один из дней Николай сказал вождю, что им надо вернуться к своим. Синчи Пума, помолчав, попросил его подождать с решением.

На следующее утро в дом виракочей вошел воин-гонец. Он, встав на колени, что-то быстро проговорил.

— Николай Тимофеевич! Нас вождь просит к себе. Дело важное! — сделал вывод Роговой.

В специально выделенном для виракочей доме жили только Антоненко и Роговой. Аксенова же будущие жены забрали к себе в новый дом.

— Вызывай Аксенова! Пойдем только втроем. И приготовь оружие. Мало ли что!

Когда все собрались, Синчи Пума объявил, что утром к нему прибежал гонец с известием о нападении врагов на соседей — родственное племя уанка. Соседи хотели принять бой, но враги оказались хитрее. Захватив несколько небольших селений и прихватив пленных с имуществом, они ушли.

Он, Синчи Пума, как местный курака, отвечает за безопасность всего района перед Сапа Инкой. Надо наказать врагов, вернуть плененных сородичей и похищенное добро. Но у него сейчас под рукой мало воинов, пусть виракочи покажут свою божественную силу.

Вождь также передал Николаю письмо от Климовича.

Прочитав письмо, Антоненко задумался.

— Командир рекомендует нам возвращаться назад. Самим ни во что не вмешиваться.

— А как же помощь вождю? — недоуменно спросил Роговой. — Он же на нас надеется!

Немного подумав, Антоненко объявил:

— Ну что, мужики, пришел и наш черед. Хватит пиво жрать да баб тискать! Если мы сейчас с врагами не справимся, то грош нам цена — порежут нас, как молоденьких поросят, и фамилию не спросят!

— Николай Тимофеевич! Да я за своих девчонок любому глотку перережу! — отозвался Аксенов. Чувствовалось, что он уже вошел во вкус хозяина гарема.

— Так. Проверить оружие и боеприпасы. Выступаем с уаминка. Вася, оставь свою гармошку здесь. Там она не пригодится. Лишний груз, — скомандовал Антоненко. — Нашим письмо отпишу. Пусть помощь высылают, если хотят с Синчи дружить. Как там говорил Наполеон: главное ввязаться в драку, а там посмотрим!

— Мои девчонки со мной, — заранее предупредил Аксенов.

— На хрена они в бою нам нужны? — высказал свое недовольство Роговой.

— Мне без них нельзя. Иначе мне кирдык, — пояснил Аксенов, поправляя за спиной свой ППД. — Уже сам жалею, что связался. Я так понял, что пока официально не женюсь, они и воевать со мной рядом будут, пока детишек не родят.

— Амазонки, что ли?

— Выходит, что так.

— Прямо как наши. И коня на скаку остановят, и в горящую избу войдут, — резюмировал Николай. — Ладно. Бери своих баб. Раз уж так. Всем переодеться в местную одежду. Пока светиться нам ни к чему!

— Да? С нашим-то ростом? — рассмеялся Роговой. — Да нас за версту видно! Сразу поймут, что мы — чужие!

— А ты пониже пригибайся и не ржи как конь, а то всех врагов распугаешь! — весело ответил Аксенов. — А одежду я подгоню. Мои девчонки быстро ее перешьют. Да и сами переоденутся как воины.

На написание письма, подгонку и переодевание ушло около часа. Один из приставленных к ним молодых воинов принес три плечевых сумки и тыквенные бутылки с водой. Заглянув в свою сумку, Роговой удивленно воскликнул:

— Командир! А зачем они туда какие-то листья да чистые тряпки напхали? Нам что, все время их таскать с собой?

Николай достал листья и показал их воину:

— Валью! Зачем это?

— Кока! Ам-ам! Сила! — ответил воин, одновременно показывая, что эти листья надо жевать.

При слове «кока» Антоненко сразу вспомнил свое время.

— Эти листья, ребятки, — что-то вроде наркотиков или допинга. Они помогают переносить высокогорье и придают сил. А тряпки — перевязочный материал, мало ли что... Так что берите, не пожалеете. А для дезинфекции у нас еще фляга самогонки осталась!

Передав новое письмо Синчи Пума, Николай был немного удивлен. Оказалось, что вождь не идет усмирять врагов, а остается на месте. Две сотни воинов поведет его племянник Качи. Еще две сотни должны присоединиться к ним по пути из других крепостей уаминка.

Место для трех виракочей сначала определили в середине длинной цепочки воинов, споро бегущих по лесной тропе. Первые полчаса виракочам еще удавалось держать заданный темп, но потом — бобик сдох. Сказалась тяжесть оружия и боеприпасов, а еще больше — непривычка к таким быстрым горным переходам, да и весело проведенные до этого дни имели свои последствия. Оставив с виракочами пятьдесят воинов с приказом сопровождать тех до места сбора, Качи двинулся дальше, при этом ускорил темп передвижения.

К вечеру, еле передвигая ноги, Антоненко вместе со своими подчиненными взобрались по высоким ступеням на стены пограничной крепости.

— Еханный бабай... — отдышавшись, прохрипел Аксенов. — Летают по этим горам словно горные козлы, не догонишь! Физподготовка у них — дай бог!

— Ты сдох, а твоим девчонкам хоть бы хны! — подколот друга Роговой. — Вон какие розовенькие и довольные — хоть сейчас танцевать с ними в круг!

— Но-но! Ты на чужой каравай роток не разевай, сначала своих заведи! — вдруг взыграла ревность у Аксенова.

— Да, ребята, если здесь все такие воины, трудновато нам придется! — подытожил Николай.

Пока группа Антоненко отдыхала и приводила себя в порядок, в крепость пришли еще две сотни воинов-уаминка. Их возглавлял будущий тесть Семена. Увидев отца, девушка бросилась к нему, что-то весело щебеча, видно, рассказывала, как они с виракочами совершали марш-бросок из Уаман-канча.

Наутро в крепость вернулся Качи. Вместе с ним под стенами появились и около четырех сотен воинов-уанка, соседей подвергшихся нападению дикарей из джунглей. Они рвались в бой, так как враг убил и увел с собой их родственников. Соседи практически не отличались от уаминка: такая же светлая кожа, только волосы немного темнее, и у большинства глаза не синие, а зеленые или карие.

«Как русские и украинцы в мое время», — сравнил Николай.

Вместе с гарнизоном крепости собрались восемь сотен воинов, что для этих мест было внушительной силой.

Как удалось узнать из всего, что им рассказали и что смог понять Роговой с помощью невест Аксенова, Сисы и Кукури: периодически, раз в несколько лет, из джунглей в их горы приходили дикие воинственные племена амазонских индейцев-людоедов. Враги называли себя гуаро. Они нападали на местных, убивали мужчин, стариков и маленьких детей, а молодых женщин и подростков уводили с собой. Целью нападения была не территория, а именно люди. То есть еда. Убитых гуаро поедали на месте. Женщин и девочек превращали в наложниц, а когда те рожали детей и они немного подрастали,

ребенка убивали и ели. Матерей оставляли до следующих родов и так далее, пока они не смогут больше рожать, после чего их съедали. То же самое происходило и с мальчиками-подростками. Когда парень вырос, его использовали в пищу.

Несмотря на вечнозеленые, богатые плодами джунгли Амазонии, ее земля малопригодна для земледелия. Поэтому народы, живущие только за счет собирательства и охоты, в случае наступления голодных времен устремляли свой взор в Анды, где всегда находили себе двуногую пищу.

Услыхав такое, попаданцы содрогнулись.

Эх, говорила мама: не ходите, дети, в Африку... то есть в Амазонию, гулять! Сожрут же вас и фамилию не спросят!

— Что делать будем, командир? Жареным пахнет! — заволновался Аксенов. Ему стало как-то не по себе. Правда, парень больше переживал не за себя, а за своих невест, так и не успевших войти во вкус семейной жизни.

— Не бойсь, Котовский! Прорвемся!

— А при чем тут Григорий Иванович, герой Гражданской войны? — не понял сибиряк.

— Это так, к слову. Поговорка такая в моем времени была. Не обижайся, — успокоил молодожена Антоненко. — Смотри на это дело с оптимизмом и трезвым расчетом. Нас здесь больше, чем дикарей, напавших на соседей. Это раз. Наши уаминка и их родичи, в отличие от дикарей, знают в этой местности каждый куст. Это два. Разведка уже узнала, где гуаро устроили свое временное стойбище. Это три. Завтра с утрачка начнем охват. Мы с вами, вместе с четырьмя сотнями воинов, пойдем в лоб. Остальные пойдут справа и слева от нас. Как на охоте, в загон, прижмем «духов» к реке и там всех покромшим в мелкий винегрет. Ферштейн? Лучше спать до своих девок иди — соскучились, поди. Вон Васек уже второй сон смотрит да баб во сне обнимает, тебе завидует.

Повеселевший Аксенов попрощался с командиром и пошел в дом, выделенный для его молодой семьи.

Едва начало светать, а воины уже разошлись по разным тропам, разделившись на три отряда. В этот раз отряд, куда вошли и трое виракочей, шел по тропе не спеша, со всей предосторожностью, опасаясь спугнуть еще не потерявших бдительность и не расслабившихся гуаро. Отрядом командовал Качи. В него кроме двух сотен воинов-уаминка вошли и две сотни уанка.

Накан, отец Сисы, одной из подруг Аксенова, командовал отрядом, ушедшим в обход гуаро, с целью отрезать тех от реки. Как ни требовал отец от дочери остаться в крепости, не говоря уже о настойчивых просьбах Семена, но Сиса и Кукурри наотрез отказались покинуть своего молодого виракочу. Любовь оказалась сильнее страха смерти.

Спустившись с гор, отряд задержался на крупном утесе, возвышавшемся над ближайшими джунглями. Как понял Николай, здесь начинался рубеж развертывания отряда. Качи пригласил его и сына вождя уанка Асту, командовавшего своими воинами, подняться на вершину утеса и осмотреть местность. К этому времени уже рассвело, облачность осталась в горах, и перед их взором открылся, так сказать, театр предстоящих боевых действий.

От утеса и до блестящей полоски реки, видневшейся вдали, было не более трех сотен метров. Все расстояние между утесом и рекой занимали густые джунгли.

Качи и Асту всматривались в даль, пытаясь определить, где находятся ушедшие в охват другие отряды. Место же нахождения противника — гуаро, было и так хорошо видно по дыму от костров на берегу реки.

Николай не стал напрягать глаза, а просто достал из плечевой сумки бинокль и спокойно осмотрел местность.

Участок, на который они вышли, был не больше пятисот метров в длину и триста—четыреста в ширину. Он был единственным в округе местом, своего рода плацдармом, где с этой стороны реки можно пройти в горные долины, обжитые уаминка и уанка. Река являлась естественной границей между горами. С их стороны они были выше, и там возвышались неприступные скалы, а вот на противоположной стороне уже были поменьше, с заросшими густым лесом покатыми склонами.

Насколько мог увидеть Антоненко, течение реки в этом месте было не очень сильным, а ее ширина не превышала и семидесяти метров, хотя русло реки довольно извилистое.

Гуаро расположились на берегу, где, рассевшись возле костров, готовили себе завтрак из человечинки. Видно, они не первый раз совершали отсюда свои набег, так как на этом участке берега лес был хорошо прорежен, а местами даже полностью вырублен. На берегу валялись пара десятков ло-

док долбленок-однодревок. С их помощью гуаро спустились по реке или переправились на этот берег.

На берегу Николай увидел также и несколько групп пленников. Большую часть составляли молодые женщины и девочки-подростки. Отдельно от них на земле лежали мужчины и мальчишки. Все пленники были в разорванной одежде и связаны лианами. Пленных было не меньше сотни. Охраняли пленников десятка два гуаро, прохаживающихся между ними. Глядя на выражение их лиц, Николай вспомнил когда-то прочитанные рассказы об африканских каннибалах. По виду охранников было заметно, что они не прочь прямо сейчас полакомиться, откусив у своих жертв самое вкусное в человеке — ладони и пальцы рук.

Антоненко с нескрываемым интересом стал рассматривать врагов, пытаясь их сосчитать. Все же первый раз в жизни он увидел людоедов!

Это были довольно высокие мужчины крепкого телосложения с коричневой кожей, покрытой различными рисунками, выполненными красной краской. Вся их одежда состояла из веревки, которая поддерживала крайнюю плоть и была обернута вокруг талии. Они были черноволосыми, но без усов и бороды. Волосы были длинными и спускались на плечи или перевязывались на затылке куском веревки со вставленными перьями. У многих головы увенчаны своеобразными коронами из костей, возможно, даже и человеческих. Ушные мочки проколоты, и в них вставлены диски из дерева. Лица гуаро также были покрыты красной краской и имели устрашающий вид. Оружие дикарей не отличалось разнообразием. Это были копья-дротики с каменными наконечниками, большие однодревковые луки с пучками стрел в колчанах, висящих за спиной, и тростниковые ножи в бамбуковых ножнах. У некоторых Николай также заметил деревянные палицы.

Вместе с охранниками Антоненко смог насчитать больше сотни гуаро. Сколько было их на самом деле, из-за растительности невозможно подсчитать.

«Да что тут их бить — и двух хороших очередей из пулемета вполне хватит... А собрали против этой кучки людоедов восемьсот воинов!»

С этими мыслями он передал бинокль Качи. Племянник вождя с опаской взял в руки бинокль и, как это делал Анто-

ненко, попытался поднести его к глазам. Первой его реакцией было вскочить и кинуться в бой. Он чуть не выронил бинокль из рук, хорошо, что Николай успел его перехватить, а то бы точно разбил. Немного успокоившись, Качи снова попросил бинокль и уже с удовольствием разглядывал окрестности.

Почти одновременно, слева и справа от стоянки гуаро, в небо потихоньку стали подниматься по одному дымку. Увидев их, Качи приказал воинам поджечь приготовленный заранее небольшой костерок на вершине утеса. Когда дым от костра начал подниматься над утесом, воины уаминка и уанка, развернувшись в плотную цепь, начали углубляться в лес к реке.

Антоненко со своими подчиненными также хотел пойти в цепь, но Качи остановил его, дав понять, что задача виракочей — только присутствовать, победу над врагом обеспечить его воины. Николай не стал возражать, тем более что воевать в джунглях ему еще не приходилось. Попаданцы, взяв оружие на изготовку, пошли за воинами на некотором удалении. Вместе с ними двигались невесты Аксенова и приставленные Синчи Пумой четыре воина-гонца.

Вдруг впереди послышался вскрик, затем еще один. Почти одновременно с последним лес взорвался оглушительным ревом сотен глоток. Вся масса воинов, уже не таясь от врага, кинулась вперед.

— На охранение нарвались! — воскликнул шедший рядом Аксенов. — Дикари дикарями, а секреты выставили!

Пробежав уже не скрываясь вперед, виракочи наткнулись на лежащего на спине воина-уаминка. Его лицо искажала гримаса боли, изо рта шла пена, а конечности дергались в последних конвульсиях. Из груди торчала небольшая стрела.

Один из молодых воинов-гонцов попытался взяться за стрелу и вытащить ее из груди товарища, чтобы облегчить его участь, но Антоненко резко остановил:

— Стоять! Она отравлена! Не дай бог сам поранишься, тогда и ты умрешь! А ему уже не поможешь!

Воин, испугавшись, отпрянул в сторону. Продвинувшись в глубь леса, увидели место первой стычки. Здесь лежал еще один истекавший кровью уаминка. Голова его была проломлена деревянной палицей, лежавшей неподалеку. В кустах в

разных позах валялись трое дикарей. Один из них был словно еж напшигован стрелами. Николай заметил возле него трехметровую палку-трубку и колчан с короткими стрелами без наконечников. К колчану была прикреплена маленькая тыквенная бутылка.

— Духовое ружье с отравленными стрелами. После них никто не выживет, — пояснил Антоненко своим.

Двое других гуаро также были убиты. Первый дикарь насквозь проткнут копьем, торчащим у него из груди, а у второго — разможжен череп.

Со стороны реки раздавались ужасные крики рукопашной схватки. Пospешив туда, виракочи увидели следующую картину. Уаминка и уанка, шедшие в охват, отрезали гуаро от берега, захватив почти все лодки-однодревки. Сейчас на берегу происходил не бой, а добивание оставшихся в живых дикарей. Надо отдать им должное: они не просили о пощаде, а сопротивлялись до последнего, дерясь своими копьями и палицами один против трех, а то и пяти. Но вскоре все было кончено. Ни один гуаро на этом берегу не остался цел, все были перебиты. Только несколько дикарей попытались на двух лодках переправиться на другой берег.

Недолго думая Роговой вскинул свой пулемет и с рук дал по ним две коротких очереди. Большинство упали в воду с пробитыми пулями спинами. Только двое смогли выбраться на противоположный берег. Николай машинально передернул затвор и поднял карабин. Прогремел выстрел. Дикарь вскинул руки и уткнулся лицом в землю. Перезарядив, Антоненко поймал в прицел спину последнего оставшегося в живых гуаро. Но тот, словно почувствовав дыхание смерти, резко бросился на землю и скрылся среди густых кустов. Запоздавшая пуля ударила в ствол дерева над его головой.

— Черт! Ушел, гад! — сплюнул Николай. — Вот и есть мой первый «дух» на этой земле! С почином!

Николай обернулся к своим, и его чуть не вырвало от увиденного. Давно он такого не испытывал. Такое же состояние было у Рогового и Аксенова. Хотя стоявшие рядом с ним Сиса и Кукури чувствовали себя нормально и смотрели на происходящее даже с интересом. На берегу лились реки крови. Воины-победители, соревнуясь между собой, отрезали всем убитым и даже тяжелораненым гуаро головы. Поскольку

имевшиеся у них бронзовые ножи были не такими острыми, как стальные, этот процесс затянулся. Оторвав голову у очередного поверженного врага и измазавшись его кровью, воин дико кричал и прыгал от радости, словно маленький ребенок, получивший заветную игрушку. И такими кричащими воинами был усыпан весь берег. Шум стоял неимоверный.

— Дикари! Настоящие дикари! Куда мы попали? — Опустив на землю пулемет и сев рядом, Роговой схватился за голову.

— Зато хоть не едят человечину, как предыдущие товарищи, мать их... — ругнулся Аксенов. Ему стало противно смотреть на союзников. Даже на своих девчонок не смог глянуть, а повернулся лицом к реке.

— Возьмите, мужики, выпейте самогонки! — протянул им флягу Антоненко, предварительно сделав сам пару хороших глотков. — Не смотрите туда. Ничего мы сейчас не сделаем. Как говорил профессор Левковский: у каждого народа — свои нравы. За один день их не перевоспитаешь. Придется пока смириться.

Вдруг за спиной они услышали шум и улюлюканье, как будто на охоте гнали зверя в загон. Обернувшись на звуки, Николай увидел, что по берегу мечется молоденький гуаро. Пареньку было лет двенадцать-тринадцать, не больше. За ним, с палками и дротиками в руках, гонялись несколько освобожденных подростков-уанка, но никак не могли поймать. Видно, еще не отошли от плена. Взрослые воины стояли кругом, но не трогали чужого пацаненка, а только пугали его, даря своим подросткам честь убить первого в своей жизни врага. Так получилось, что мальчишку зажали со всех сторон, ему некуда было бежать, кроме как на виракочей, что он и сделал. Увидев перед собой стоявшего неподвижно белого бородатого гиганта, парень бросился к нему, упал на колени и крепко обнял ногу. Шум вдруг резко оборвался, наступила тишина. Никто из воинов и гонявшихся за мальчишкой подростков не попытался даже приблизиться к виракочам. Дикарь выбрал сам свою судьбу, теперь право его убить принадлежит только сыну бога.

Николай замер от удивления. Он чувствовал, как дрожало все тело пацаненка, слышал его тихое всхлипывание, слезы ребенка намочили одежду.

— Не бойсь, пацан, солдат ребенка не обидит! — придя в себя от неожиданности, тихо произнес Антоненко, погладив трясущуюся головку мальчишки. Затем, окинув взглядом всех уаминка и уанка, громко сказал: — Это мой дикарь! Кто его тронет, будет иметь дело со мной! Ясно?

Никто не сдвинулся с места. Все молчали, ожидая дальнейших действий виракочи, думая, что он решил немного позабавиться с этим маленьким гуаро.

Рядом с Николаем поднялся Роговой и так же громко попытался перевести слова командира на язык уаминка. Немного постояв, воины пожалы плечами и разбрелись по берегу, помогать своим раненым, собирать тела убитых и трофеи. Так решил сын бога, и они не смеют его осуждать. Хотя каждый был готов убить этого оставшегося в живых детеныша гуаро за смерть своих близких. Кровная месть предусматривает полное уничтожение рода врага, вплоть до маленьких детей.

— Семен! Охраняй мальчика! — скомандовал Антоненко. — Пошли, Василий. Нам с Качи поговорить надо.

Найдя племянника вождя возле лежащих на земле убитых уаминка и уанка, Николай сначала поинтересовался о потерях. Роговой, как умел, переводил.

— Сколько наших полегло?

— Два десятка с половиной уаминка и четыре десятка уанка. Погиб сын вождя уанка Асту. Славы хотел. Первым шел. Вот и получил две стрелы в грудь.

— А почему у вас доспехов бронзовых нет? Таких, как у Синчи Пума и у тебя? Если бы у Асту был такой доспех, он бы остался жив!

— Смелым воинам доспех не нужен. Победа или смерть. У меня доспех инков, в бою взял, трофей. Мы не умеем делать таких.

— Сколько врагов убили?

— Сто и семь десятков. Воины довольны. Голов врагов и славы много.

— Что дальше делать будем?

— Наших погибших и раненых отнесем к нам. Асту и других уанка — к ним. Сердце воина должно храниться на своей земле.

— Мы теперь куда идем?

— Накан с воинами отнесет наших раненых и погибших

домой. Виракочи и я идем к уанка. Надо рассказать о славе Асту его отцу и племени. Он был единственным сыном.

— А что делать с телами убитых гуаро? Их надо закопать или сжечь, а то болезнь пойдет.

— Мы не будем их трогать. Если новые гуаро придут сюда, то пусть видят, что на этой земле их ждет смерть. Мы сюда не будем приходить, поэтому болезнь нас не возьмет, а убьет только дух любого гуаро, ступившего сюда.

Николай не знал, как поделикатнее спросить у Качи насчет спасенного им мальчика-гуаро. Не отвернутся ли от них союзники? Но Качи опередил его:

— Ты оставил жить одного гуаро. Ему не место среди нас. Прогони его или убей сам. Это твой выбор. Воины не будут вмешиваться. Но если ты этого не сделаешь, его убьют другие.

— Хорошо. Я подумаю.

На изготовление носилок для своих раненых и убитых ушло не слишком много времени. После полудня две длинные цепочки не спеша потянулись в горы. Одна, с ранеными и убитыми уаминка, пошла к своей крепости, другая — в земли народа уанка.

Перед уходом Антоненко настоятельно рекомендовал Качи не бросать на берегу, а спрятать подальше все захваченные лодки, авось пригодятся. Тот сначала не хотел: зачем им они, уаминка не собираются переплывать на другую сторону, здесь граница их земли. Но все же приказал отнести лодки подальше от берега и спрятать в густой чаще.

Отправляясь к уанка, Николай взял с собой только Рогового. Аксенову же приказал охранять спасенного мальчишку и, не задерживаясь в Уаман-канча, возвращаться в город попаданцев. Может даже своих невест с собой прихватить, если еще не передумал на них жениться. Еще не отошедший от пережитого, Семен молча кивнул головой и пожал руки товарищам. Пареньку-гуаро он приказал идти только впереди себя, чтобы сзади его втихаря никто не прирезал. Следом за ним пристроились и девчонки.

Когда все живые ушли, на берегу остались только потухшие костры да разбросанные и обезглавленные трупы врагов, облепленные мухами.

Уходя, Качи оставил на утесе десяток воинов-уанка. Охранять границы своей земли.

ГЛАВА 2

— Итак, запомните. Шашка — это ваша плоть, как продолжение руки. Ее острие вы должны чувствовать как кончик своего пальца. Шашка должна работать как одно целое со всем телом. К своей шашке надо сразу привыкать. Как гласит пословица: казак и во сне шашку шупает. Поэтому с сегодняшнего дня вы будете всюду ходить с шашкой, даже спать с ней в обнимку, вместо женщины. Это первое. Второе. Держать шашку следует с минимальным напряжением, то есть не сильно и не слабо. Рука должна быть полурасслаблена. Усиливать хват надо в моменты максимально быстрых движений. Третье. Конец клинка всегда должен смотреть на противника. Тот, кто нарушит это правило, умрет первым...

Ротмистр Новицкий прохаживал между двумя шеренгами молодых солдат и красноармейцев, обращенных друг к другу лицом, опираясь левой рукой на эфес своей шашки, а правой время от времени покручивал свои гусарские усы.

Эти два с половиной десятка молодых парней были отобраны им для создания собственной кавалерии попаданцев, теперь уже новороссов. В дополнение к казакам.

Поскольку нужды в артиллерии сейчас не было, пушки стояли зачехленными на площади Новоросска возле стоянки автомобилей под охраной часовых, Максим с Андреем упрости Новицкого научить их приемам фехтования и верховой езде. К ним примкнул и лейтенант Попов, сумевший найти общий язык с ротмистром. Они стояли вместе с остальными, как простые курсанты. У каждого будущего кавалериста на левом боку, на плечевой портупее, висела шашка. У кого армейская, с гардой и дужкой, у кого — казачья, без оных. Шашки нашлись в обозе белых как трофейное оружие, захваченное в свое время у красных. Только у Григорова была взята в бою как трофей из немецкого бронетранспортера.

Обучение происходило уже две недели на лугу возле форта Теплый Стан. Здесь было больше места, да и возможностей, чем возле города. На противоположном краю луга казаки на лошадях занимались джигитовкой и рубили на скаку лозу.

В первый день занятий умение казаков владеть своим холодным оружием и лошадьми вызвало у Максима восхищение и горячее желание научиться хоть немного быть похожим

на них. Тем более что попали они во времена, когда владение мечом и шпагой считалось более важным, чем умение читать и писать, а огнестрельное оружие еще не стало таким удобным и массовым, как в последующие века.

Глядя, как казаки виртуозно орудовали шашками, Максим с Андреем замучили вопросами обучающего их Степана Левченко, брата старшего сержанта-артиллериста. Урядник еле успевал им отвечать.

— Как можно научиться так шашкой работать?

— За день не научишься и даже за год! Нас, казачат, с десятилетнего возраста учат с шашкой обращаться. Меня еще дед наш учил, а Григория — отец и я!

— А в моем времени все больше японцев хвалят. Их умение владеть своим мечом, — решил показать свои познания Максим. — Победили ведь нас самураи в одна тысяча девятьсот пятом году.

— Что?! — удивился Степан. — Кто тебе такую сказку-то сказал? А ты уши развесил и поверил... Враки все это! Это на море Россия проиграла, а на суше выиграла; просто генералы тупыми оказались, сдали нас с потрохами япошкам за золото. Ты знаешь, как японцы наших казачков боялись? А за что наш батя первый Георгиевский крест получил, знаешь? Пошли они со товарищи как-то в разведку и столкнулись лоб в лоб с японцами. А там сплошь самураи! Так наш батя лично трех самураев зарубил, мечи их принес, да еще и пленных пригнали. А для самурая потерять свой меч — знаешь, что такое? Несмываемый позор! А знаешь, что у японского императора после этой войны личными охранниками были не его самураи, а наши казачки? Побежденных в охранники не берут, вот так-то! А ты говоришь — самураи! Слабаки они супротив наших станичников!

— Но ведь их меч-катана считается лучшим холодным оружием! — попробовал возразить Максим и замер от неожиданности.

Меньше чем за секунду казак выхватил шашку и одним резким движением срубил небольшое деревце, стоявшее рядом.

— А ты кавказскую шашку «волчок» видал? — Степан с гордостью показал на лезвии своей шашки клеймо, похожее на бегущего волка. При ближайшем рассмотрении на лезвии

не было даже следа от такого удара. — Сталь особой закалки, супротив нее невозможно обороняться. Дедова... А ты говоришь — япошки, самураи... Да им еще до нас...

— Да. У нас, у русских, своя гордость...

— А то! Мозги вам там, в будущем, забили всякой дрянью чужеродной, а свое не помните! — рассмеялся Степан. Затем вдруг стал серьезным и произнес: — Да ежели наши предки такие слабые да тупые были, смогли бы они столько земли-то завоевать?! Подумай головой-то... Вот ты, что на небе окромя туч да облаков видал?

— Звезды!

— Это не просто звезды! Это глаза твоих предков! Они смотрят на тебя с небес: достоин ли ты их? Как ты будешь защищать свою семью, свою родину и свою веру? Об этом думай — тогда ничего тебя не возьмет и все ты осилишь. А если ты — слабак, то не жить свободно на земле ни тебе, ни твоим детям, ни внукам с правнуками! Это нам еще деды-прадеды говаривали да завещали. Вот так-то, братка!

Внимание Максима и Андрея привлек казак средних лет с небольшой русой бородкой, скачущий на лошади с двумя шашками в руках. Блестящие лезвия описывали в воздухе окружности, создавая вокруг него смертоносную ауру. Приблизившись к воткнутой в землю лозе, казак сначала поднялся в седле, делая вид, что хочет рубануть сверху, но затем резко свесился с коня и рубанул лозу снизу вверх. То же самое он проделал и на другую сторону, с другой шашкой.

— Ничего себе! Как он с двумя шашками-то управился: словно двоих одновременно зарубил! И снизу вверх! — восхитился Григоров.

— Это Мирон Осадчий! — довольный впечатлением, произведенным на учеников его земляком, Левченко прокомментировал: — Он характерник, как и все в его роду. Про такие приемы в уставах и учебниках не пишут, они по секрету передаются от отцов к сыновьям, ведь часто цена им — жизнь...

— А давно он воюет?

— С первых дней на германской... Таких казаков, умеющих в совершенстве владеть шашкой, всегда выставляют в первых рядах казачьей лавы. Два клинка дают всаднику возможность прорубиться сквозь первый ряд неприятеля, силь-

но уменьшая его количество. Проломившись сквозь первую шеренгу, он мгновенно освобождается от второй шашки, как правило метнув ее в противника, и приступает уже к «однорукой» рубке...

— А чего он сначала сверху замахнулся, а срубил снизу вверх?

— Дело в том, что при приближении всадника пехотинцу предписывается двумя руками поднимать над головой винтовку, защищаясь от уставного удара сверху. Казак же сначала показывает такой удар, потом резко свешивается с коня и сильным ударом шашки снизу разваливает солдата на две части. Или бьет всадника под локоть. А попробуй повоевать без руки-то! Вот поэтому и боялись нас германцы с австрияками как чумы! Не умеют они по-нашему воевать-то!

— А как он с коня не свалился?!

— А это хитрость такая есть. Стремена под брюхом лошади связывают ремнем, что позволяет всаднику свешиваться вбок чуть ли не до земли. Этому способствует и устройство сбруи. Вишь, какие седла казачьи? В другом седле так не встанешь и не прогнешься; только в нашем, казачьем, можно джигитовкой заниматься! Ладно, ребята, пошли к лошадам, научу вас по-казацки в седле сидеть.

— А как же мы без шпор лошадь подгонять будем?

— А зачем казаку шпоры-то? Они только мешают. У казака нагайка есть: и коня послать можно, и вражину за руку али за шею захватить!

Для каждого кандидата в кавалеристы подобрали лошадь и сбрую. Первые три дня проходили в привыкании друг к другу человека и лошади. Григоров был на своем Орлике, а Максиму и Попову подобрали лошадок под их рост. Максиму достался довольно высокий вороной конь по кличке Ворон, все время норовивший укусить нового наездника за коленку. Макс сначала не знал, что делать, даже хотел съездить ногой коню в зубы, но вовремя удержался. Увидевший это Степан Левченко посоветовал наладить дружбу с Вороном, угостить его сухариком или куском сахара, постоянно ухаживать за ним и даже разговаривать почаще. Но конь должен понять, что главный в паре — человек, а не он. Постепенно всадник и конь наладили контакт. Этому способствовал и небольшой конный поход к водопаду и обратно.

Вырабатывая у новичков умение управлять лошадьёю ногами, Новицкий по несколько часов заставлял их держать зажатые между ног большие деревянные колоды, одновременно крутя в руках тяжелые палки с шашку размером. Круговое вращение шашки рукой, согнутой в локте и на вытянутую руку, считалось одним из важнейших упражнений рубки, делающих кисть сильной и подвижной. Также поставили пару деревянных «козлов», на которых отрабатывалась правильность нанесения ударов шашкой. После чего уже на лошадях осваивали рубку лозы.

В занятия входила и общефизическая подготовка: бег, гимнастика, рукопашный бой. Все эти дни новоиспеченные кавалеристы возвращались в казармы, еле волоча раскоряченными ногами налитое усталостью тело, с одной мыслью: быстрее упасть и заснуть. Даже есть не хотелось. Кое-кто поначалу выражал недовольство, но постепенно привыкали к таким нагрузкам. Тяжело в учении, легко в бою!

Лучше плохо ехать, чем хорошо идти!

Рядом с кавалеристами занимался и отряд пехотинцев, состоящий из шестидесяти бойцов, разбитый на два взвода. Их подготовкой руководили Уваров и Нечипоренко, как офицеры-десантники. Они так гоняли своих подчиненных, что те черной завистью завидовали кавалеристам.

Больше людей Климович выделить не мог. Строился форт возле водопада. Кроме того, надо было нести караульную службу, работать в кузнице, заботиться о снабжении топливом и продовольствием. Хорошо хоть в госпитале уже никого не осталось, все раненые выздоровели и сейчас находились в строю. Правда, по настоянию Баюлиса, их не стали привлекать к занятиям, а в основном они несли караул и помогали по хозяйству.

После обеда на луг приходили заниматься и мальчишки, начиная с десятилетнего возраста. Участие в военной подготовке наравне со взрослыми для них было почетно и очень интересно. Ребята также выкладывались по полной. Ими руководили капитан Невзоров, назначенный директором кадетской школы, и старший сержант Левченко, вдруг захотевший заняться воспитанием подростков; все равно пушки сейчас зачехлены...

— Правильный удар шашки определяют по звуку. Если тонкий свист клинка — удар поставлен хорошо, глухой

звук — удар неправильный. Свист шашки при движении клинка — важнейший показатель скорости. Ведь именно от скорости в первую очередь зависит сила удара. Чем выше скорость, тем тоньше свист. Плечо должно быть ослаблено и свободно, сила применяется в последний момент... Шашкой не ставят жесткие блоки, а отводят в сторону оружие противника путем прилипания к нему по ходу на дальнем расстоянии и сопровождения его дальше по кругу, по спирали вовнутрь или наружу, резко сбивая вниз, в сторону, вверх, в сторону противника, ловят клинок клинком на тыльную или плоскую сторону путем скольжения... Работают кисть с проворотом, предплечье и плечо с проворотом, обязательно слитно с движением всего тела...

Ротмистр Новицкий не только говорил, но и сопровождал свои слова демонстрацией необходимых движений, взяв в помощники одного из молодых казаков.

— Запомните: бой требует высокой подвижности и скоростной выносливости, постоянной смены дистанции и верной оценки этой дистанции. Поэтому фехтуют, не стуча клинком по клинку противника, а меняя темп и дистанцию, то есть **НОГАМИ**. Если хотите остаться в живых, больше двигайтесь. По неподвижной мишени легче попасть. Не старайтесь обязательно убить противника, главное — вывести его из строя. Потом добьете. Наносите удары, уколы и подрезы, по рукам и ногам противника, так как голова и корпус могут быть защищены. Раненый противник — уже не боец. Используйте в бою не только шашку, но и все, что может нанести вред врагу или отвлечь его внимание... Шашки! Подвысь! В позицию...

Из-за занятий Максим почти не встречался с Оксаной. Знал только, что она в госпитале, где Баюлис организовал для женщин курсы медсестер. Его ревность к Клаусу Хорстману потихоньку угасла. Молодого немца отправили строить форт возле водопада, поэтому в городе он не появлялся, а по виду девушки не было заметно, что она скучает о нем. Поговорить с Оксаной Максиму удалось только вечером, когда новоиспеченные кавалеристы после занятий и последующего купания в Теплом ручье, ведя лошадей, возвращались в город.

— Здравствуй, Оксанка! Давно тебя не видел...

— Что, успел соскучиться? — засмеялась девушка.

— Честно? Да, — смутился парень. — А ты обо мне не скучала?

— Некогда здесь скучать, когда парней кругом полно — так и набиваются в женихи! Я ведь девушка свободная! — пошутила Оксана, зная, что Максим к ней равнодушен.

— Я этим женихам ноги-то пообломаю! — вдруг серьезно ответил парень.

— А ты что, меня уже сосватал или купил? — засмеялась девушка, лукаво смотря на ухажера.

— Пока не купил, но все может быть... — поняв ее шуточную игру, рассмеялся Макс. — Хочешь на коне прокатиться? До озера и назад!

— Максим! Смотри не загуляйся — ворота через час закрывают, — напомнил другу остановившийся рядом Григоров. Он вместе с другими как раз проходил мимо влюбленных.

Бойцы с завистью поглядывали в сторону Максима. Таких красивых и свободных девушек в Новороске по пальцам пересчитать, не всем достанутся. Но при этом особо не расстраивались. По рассказам Вайры и Юску, уже немного освоившихся среди виракочей, в племени уаминка красивых и свободных девушек много, на всех хватит, даже и не по одной.

— А прокати! — согласилась Оксана.

Откуда силы взялись в измотанном ежедневными физическими нагрузками теле! Макс, как заправский казак, одним махом вскочил в седло, и легко подняв Оксану, усадил перед собой. Затем, дав шенкеля Ворону, одновременно потянул повод в сторону озера. Конь, словно почувствовав желание хозяина покрасоваться перед девушкой, тихой рысью двинулся к водоему. Как бы невзначай, Оксана прильнула спиной к груди Максима, закинув голову назад... Во время езды их щеки все чаще стали соприкасаться... Макс не выдержал... он крепко обнял девушку за талию и поцеловал ее в губы...

Конь — не автомобиль, сам видит дорогу и знает, куда надо идти! Как хорошо быть кавалеристом! Обнимай, целуй девушку, а конь сам идет куда надо! И зачем мы завели эти авто! Никакого кайфа! Вместо девушки — смотри на дорогу! Кому сказать спасибо, что меня сюда занесло?! Никогда такого блаженства раньше не испытывал!

Оксана не стала сопротивляться, даже не отпрянула от

Максима, только, закрыв глаза, жадно искала его губы... Разгоряченные объятиями и занятые поцелуями молодые люди пришли в себя только тогда, когда Ворон, зайдя в озеро, начал бить копытом по воде. Холодные брызги остудили их пыл.

— Стой! Назад! Ворон, на берег! — пришел в себя Максим. Ему стало немного стыдно перед конем. В этой ситуации тот оказался мудрее.

— А ты знаешь, что твой отец письмо прислал? Уаминка наша помощь нужна... — немного стесняясь от своей несдержанности, произнесла Оксана, когда Макс спустил ее с коня на землю и сам встал рядом.

— Знаю. Нам Новицкий сегодня объявил. Завтра сборы, а послезавтра поутру выходим, — грустно произнес парень. Ему не хотелось покидать девушку, когда между ними любовь уже перешла почти в близость. — Жалко расставаться. Мало ли что будет... Война...

— А при чем тут расставание? Мы вместе с вами идем. Весь наш госпиталь. Янис Людвигович настоял, а командир не смог возразить. — довольно сообщила новость Оксана.

— Но ведь там будут кровь и смерть! — испугавшись за девушку, заволновался Максим. — Зачем ты там?

— Ты не хочешь быть со мной? — неуверенно спросила девушка. — Или испугался?

— Да нет, просто переживаю за тебя... — начал оправдываться парень, — за других девчат... Молодые вы еще — куда вам воевать? Без вас справятся!

— Да наши девчата больше крови и смертей видели, чем ты за всю свою жизнь! — В голосе Оксаны появились негодующие нотки. — Варя и Рита с первых дней на фронте, а у Екатерины Валерьевны муж на руках от ран умер! Эх ты...

Девушка вдруг резко развернулась и скорым шагом пошла к воротам города. Макс опешил. Что он такого сказал? Вот так, на голом месте, он из любимого человека превратился в труса... Да, тяжело понять нашему современнику психологию девушек тридцатых и сороковых годов. Мама, роди меня обратно... Но в их времени, чтобы разобраться и понять!

Вскочив на Ворона, парень догнал девушку.

— Оксанка! Я не то совсем хотел сказать, ты меня неправильно поняла!

— Я все поняла! Больше ко мне не подходи!

— Из огня да в полымя: не успели передохнуть, как снова в бой!

— Да, покой нам только снится...

Климович с Уваровым стояли на площади перед проходной башней, наблюдая, как бойцы занимаются погрузкой небольшого каравана, состоящего из десятка двуколок.

По предложению профессора Левковского часть телег переделали в двухколесные тележки наподобие арбы, как на Кавказе или в Средней Азии. Такую тележку одной лошади легче возить по горам. Вес меньший перевозит, чем на обычной четырехколесной телеге, зато маневренность выше и больше груза берет, чем просто навьючить на лошадь. Грузили боеприпасы, два миномета, два пулемета «максим», два немецких МГ и один ДП, немного продовольствия в дорогу (надеялись, что уаминка не оставят их голодными), а также другое необходимое снаряжение. Не забыли погрузить и подарки для своих новых союзников. А действительно: как-то неудобно, уаминка одарили виракочей, а они — нет.

Сам же профессор вместе с Ольховским в сопровождении политрука Жидкова, старшины Долматова и с двумя десятками помощников еще позавчера на подводах отправились за рудой к разведанным месторождениям.

— Я принял решение. Выхожу вместе с вами, — проговорил Климович, — хватит мне в тылу отсиживаться, надо на людей посмотреть да себя показать.

— Алексей Аркадьевич! Да у вас же нога — как вы ходить-то сможете, да еще по горам? — попытался отговорить командира Уваров. — Кто городом руководить останется?

— Вы меня совсем уже в тыловые крысы записали, Олег Васильевич! Хватит, насиделся и належался! Я не пешком, а на лошади поеду. Всю молодость в седле провел, не забыл еще, с какой стороны на коня садятся, — успокоил его Климович. — А за город не переживайте. Бажин комендантом назначен. Порядок будет обеспечен. Тем более что Борис Иванович со своими кадетами продолжает заниматься. Он также присмотрит за всем хозяйством. Правда, народу здесь мало остается, все при деле...

На помощь новым союзникам уходили только сорок пехотинцев, сорок кавалеристов и минометный взвод. Часть бойцов все же оставили для охраны города и фортов. Вместе с

подмогой шел и Баюлис со своими помощницами. В Новороске из медиков оставалась только Екатерина Валерьевна. Она также хотела идти вместе со всеми, но Алексей Аркадьевич еле уговорил ее остаться, клятвенно пообещав, что не будет лезть в гущу боя. Потеряв одного мужа, женщина боялась потерять и второго.

Кроме того, в госпитале оставался еще один раненый. Молодой охотник-уаминка Юску. Он порывался идти к своим, но Иллайюк и Баюлис, словно сговорившись, категорически запретили ему большие нагрузки. Ключица еще не зажила, а с такой раной парень не воин, а только помеха своим товарищам.

— Оставайтесь здесь и учите язык виракочей, — приказал старый жрец Юску и Кайва. Своего молодого помощника Иллайюк также оставил в городе, но уже по просьбе Невзорова, чтобы тот обучал попаданцев языку кечуа.

Сам Иллайюк и Вайра возвращались домой. Сыну вождя в первый же день Янис Людвигович вправил ногу и зашил грудь. Мази Иллайюка и магия предков помогли быстро заживить все раны. Сейчас Вайра снова был полон сил и готов биться с врагами. Тем более что в этом году его ожидал обряд посвящения в воины. Он шел вместе с новыми друзьями, молодыми виракочами: Максимом и Андреем, с которыми уже успел поближе познакомиться. За время нахождения в госпитале Вайра немного научился говорить по-русски, поэтому старался общаться с ними почаще.

Как ни рвался Дулевич идти вместе с командиром, но Климович приказал ему оставаться на месте.

— Сергей Олегович! Остаются на базовой радиостанции. Перенесите ее повыше, чтобы связь была лучше. Мы берем с собой Хворостова с одной переносной рацией. Вторая будет у Бондарева и Коваленко в новом форте. Если с вами не свяжемся, то будем общаться через них. Не волнуйтесь, еще повоюете. Лучше к свадьбе готовьтесь.

— Да я об этом и речь веду, товарищ подполковник! — заволновался Дулевич. — Рита моя с вами уходит — как же мне не волноваться!

— Хорошо. Я попрошу Яниса Людвиговича оставить ее в форте у Коваленко. Сделаем там небольшой перевалочный медпункт, между нами и городом. Ей там с поварами не скучно будет, не одна все-таки женщина на кучу мужиков.

— И на этом спасибо!

Попаданцев, имеющих знания и умения, так необходимые в этом мире, командиры не привлекали к боевой подготовке и караульной службе. Только занимался делом и придумывай, как улучшить жизнь всем...

Часть людей, кто не имел каких-либо способностей, полезных для попаданцев в городе, были отправлены на строительство форта под руководством Бондарева и Коваленко. По периметру форта стены уже практически установили, оставалось только закончить башню с воротами и внутренние помещения. На них ушли и бревна плота, на котором переправлялись по озеру к месту строительства.

Кроме строительства форта Бондарев приказал и расширить мост у водопада. В дно возле каменных опор вбили деревянные столбы, перекрыв их бревнами, а сверху уложили толстые доски вровень с каменными блоками. Таким образом ширина моста достигла почти четырех метров, что давало возможность спокойно переправиться на другой берег даже автомобилям. Для безопасности по краям моста установили также перила метровой высоты.

Уже имея опыт поднятия из котлована на плато, решили сделать подъем к форту из долины уаминка более пологим. При помощи оставшейся взрывчатки саперы обрушили часть скалы, нависавшей над каменными ступенями, предварительно с помощью дежуривших внизу воинов-уаминка соорудив там деревянную изгородь. От взрывов уаминка чуть не умерли от страха. Но виракочи были рядом, так что все обошлось. Получилась уже не тропа, а довольно широкая дорога, по которой вниз спокойно могла спуститься лошадь с повозкой, не говоря уже о всадниках.

Со стороны кузницы, где были построены и мастерские, к площади не спеша протарахтел мотоцикл, ведомый Гансом Штольке. За немцем сидел Ярцев, заместитель по тыловому обеспечению попаданцев. Оба имели немного взъерошенный, но довольный вид.

Еще больше поразило Климовича и Уварова транспортное средство. Это не был привычный для них мотоцикл с коляской. Нет, он также был трехколесным, но коляска отсутствовала, а вместо одного заднего колеса у мотоцикла было аж два, но по бокам. Своим видом мотоцикл стал напоминать